

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Андрей Хвостов, Цунъин Лю

ОБРАЗЫ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ДОСТОИНСТВ И ПОРОКОВ У МОЛОДЕЖИ КИТАЯ И РОССИИ

Долгая история
этических
воззрений

Менталитет
отдельных народов
и различия в
этических системах

Предмет
исследования –
достоинства и
пороки

1. Введение

Вопрос о том, как и чем отличаются одни культуры от других, в том числе и в плане этических воззрений, имеет долгую историю. Еще в Древней Греции в пятом веке до Рождества Христова было много описаний путешествий, в которых рассказывались разные фантастические вещи об обычаях соседних народов. Но греки не удовлетворялись тем, чтобы объявить эти обычаи абсурдными, достойными презрения или примитивными. Некоторые из греческих философов занялись поисками масштаба для сравнения различных образов жизни и различных этических систем [1].

По существу, эти поиски продолжаются по сей день. До сих пор, уже целенаправленно, проводятся исследования, позволяющие определить специфику менталитета отдельных народов. Сформулированные в настоящее время принципы и методология позволяют не ограничиваться, как прежде, феноменологическими описаниями, а приходиться к достоверным выводам, которые подчас не лежат на поверхности и не доступны непосредственному наблюдателю. Уже выполнен ряд сравнительных социально-психологических исследований в Китае и России, в которых обнаружены значительные, иногда принципиальные различия в понимании природы моральных ценностей, в решении неоднозначных ситуаций – моральных дилемм, в отношении к социальным нормам и т.д. Эти различия весьма интересны и неожиданны. На представленное исследование также возлагались определенные надежды в плане внесения достаточно весомого вклада в понимание различий двух культур.

Одними из центральных категорий этики являются такие понятия нравственного сознания, как добродетели и их оппозиция – пороки. Эта фундаментальная этическая проблема иногда определяется как аратология [2; 3]. Главным вопросом аратологии является вопрос «Каким должен быть человек?». Мораль пони-

мается как совокупность свойств, качеств, особенностей индивида. К нравственным свойствам и качествам относят, правда, не только то, что оценивается положительно, но и то, чему дается отрицательная оценка. Это значит, что нравственными качествами называются те, которые морально так или иначе оцениваются, подлежат оценке.

К настоящему времени накоплено значительное количество данных, которые в разных планах описывают, каким должен быть человек. Но многие теории принадлежат философам, которые моделируют прежде всего «должное» – идеальный образ с точки зрения частной концепции, религиозных представлений, или пытаются вывести «универсальные» добродетели и пороки.

Однако собственно психологическая проблема состоит в том, чтобы выяснить, насколько определенные личностные характеристики действительно, а не в представлениях умозрительных теорий, связаны с нравственным сознанием личности – с образом достойного человека, оцениваются как добродетели или пороки.

Цель данной работы в том, чтобы показать, какими реальными характеристиками наделяется образ «достойного человека» – мужчины и женщины – в разных культурах, что считается пороком, что вообще не оценивается в терминах «хорошо – плохо».

Понимание содержания добродетелей в истории менялось в соответствии с социальными потребностями общества, в зависимости от господства той или иной концепции морали. Поэтому крайне сложно выделить некоторые универсальные, неизменные во времени добродетели и пороки. Тем более, что в одном обществе они могли дифференцироваться для различных социальных слоев. Считаем не только интересным, но и в методологическом плане важным проследить эволюцию представлений о моральных качествах личности – добродетелях и пороках. При этом стоит отдельно рассмотреть, условно говоря, европейскую и восточную линии развития, которые весьма значительно отличаются друг от друга.

В первобытном обществе, полагает В.Ф. Зыбковец [4], одним из основных достоинств была дисциплина, которая субъективно могла переживаться как единство индивида и коллектива, что способствовало развитию чувства взаимопомощи. К числу первичных стереотипов относят также подчинение старшим (а не только вожаку), выражение им своей почтительности. При матриархате возникло самоотверженное отношение к труду и к боевой защите рода и сородичей, безро-

Реальные
характеристики
«достойного
человека»

Развитие
представлений о
достоинствах и
пороках

Первобытные
родовые ценности

потность и скромность, послушание и незлобливость. Приветствовалось гостеприимство. С переходом к патриархальному родовому строю в нравственных воззрениях совершился переворот. Высшей добродетелью стало преклонение перед властью отца. Но главное – возникают невиданные ранее нравственные нормы: презрение к беднякам, спесивость и заносчивость богача. Трудолюбие перестает быть добродетелью, оно становится уделом «черни». Часто культивировалось тиранство старших по отношению к младшим.

2. Европейская «линия развития»

Гомер и зарождение античной цивилизации

В Европе особенное развитие представление о добродетелях и пороках получило в античном обществе, когда выделившаяся из первобытного коллектива личность смогла стать олицетворением общественной морали. Творчество Гомера стоит на стыке исторических эпох и отражает закат первобытной формации и зарождение античной цивилизации. Но уже можно отметить идею умеренности, сдерживания порывов. Дальнейшее развитие формирования нравственных идеалов получило в изречениях так называемых Семи мудрецов. Их предписания также требуют от индивидов самоограничения, самообуздания, жертвенности.

Понятие о добродетелях как узко моральных свойствах было расширено софистами. К достоинствам относили самые разнообразные качества, прежде всего социальные – дар слова, профессиональное мастерство. По их мнению, не существует общей добродетели, различия между добром и злом всегда конкретны, и что благо для одних, для других – зло.

Содержание добродетелей у Демокрита и Сократа

Содержание добродетелей было расширено Демокритом: моральная личность – это примерный гражданин города-государства [5], хотя он также следует традиции умеренности и постоянно подчеркивает необходимость чувства меры. Сократ помимо «гражданской» также считал ведущими добродетелями хорошее исполнение своего дела: у земледельца – земледелие и т.д. Праздность же однозначно относилась к серьезным порокам.

Аратология Аристотеля

Самый значительный вклад в концепцию аратологии, однако, внес Аристотель. Он ставит акцент на «золотой середине». Так, мужество есть середина между безумной отвагой и трусостью. Описываются умеренность в наслаждениях (середина между невоздержанностью и бесстрастностью), щедрость (расточительность – скупость), кротость (гневливость – смирение) и ряд других характеристик (всего десять нравственных добродетелей).

Добродетели
Эпикура

Эпикур критерием добродетельной жизни считает свободу от внешнего мира, безмятежность, направленность на самого себя. Одновременно возникший стоицизм видит смысл человеческого существования в жизни, согласованной с природой. Основными добродетелями называют традиционные для античности: мудрость, мужество, умеренность и справедливость. Они определяют вторичные добродетели – величие души, упорство, решительность и т.д. Олицетворением же добродетели является мудрец [6]. Мудрец не замкнут. Он общителен и деятелен, и бесстрашие не абсолютно – он следует добрым страстям. Он участвует в государственных делах и готов отдать жизнь за отечество.

Мораль
христианства

Моральное содержание христианства в отношении добродетелей и пороков было разработано весьма детально, но не всегда было однозначным, по крайней мере в трактовке различных мыслителей. Ветхозаветный Декалог не вполне отвечает на вопрос о том, каким должен быть человек. Внимание концентрируется на внешних действиях, но нет стремления закрепить их в совести человека. Папа Григорий I основной характеристикой человека считал греховность и выводил скорее пороки, а не добродетели. Основным пороком является гордость, из нее происходят семь смертных грехов: 1) тщеславие, гордыня; 2) жадность, скупость, алчность; 3) вождление, похоть; 4) зависть; 5) чревоугодие, обычно включавшее и пьянство; 6) гневливость; 7) леность, уныние [7].

К прочим порокам христианство относит также мечтания и образы, себялюбие и из него чувственность и гнев, самоуверенность, самооправдание (следует с терпением и благодарностью переносить порицания, даже несправедливые), печаль, скуку, уныние, отчаяние [8]. Следует прощать – не упрекать другого в причиненном зле (несправедливости). И любить ближнего, а не только Всевышнего. В трактовке В. Наннах христианство также культивирует настойчивого человека [9], борющегося за свое совершенство, которое сводится к развитию светлых сторон личности, тогда как грех подавляется любой ценой.

Христианство
многолико

Конечно, христианство столь же многолико, сколь и другие мировые религии. И необходимо хотя бы коротко остановиться на отличительных особенностях основных понятий добродетелей и пороков. Старообрядческая мораль мало чем отличается от других христианских систем морали. Ее специфику составляет лишь провозглашение лицемерия в качестве особой заповеди, необходимой для «спасения» старообрядцев в грешном мире, для взаимоотношений с никонианской церковью

[10]. Католики и протестанты, по мнению М. Вебера, характеризуются большей «отчужденностью от мира» католицизма, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его приверженцах известное равнодушие к земным благам. Протестанты подвергают критике аскетические (действительные или мнимые) идеалы жизненного уклада католиков [11]. Но основными особенностями протестантизма являются такие добродетели, как трудолюбие, стремление работать как самоценность, а не собственно культ накопительства и потребительства. Как «инструментальные» добродетели культивируются прилежание и умеренность, пунктуальность и справедливость во всех делах.

Очень похоже на описание М. Вебером протестантского идеала так называемого буржуа М. Оссовской. Буржуа осторожен, трудолюбив, профессионален. «Рыцарь» же любитель, хотя и он обладает высокими моральными принципами: всегда держит слово, не старается использовать чужие слабости, одинаково относится к людям независимо от их положения [12].

В России помимо христианских идеалов на роль достоинств также порой выдвигались противоположные образы. Особенно светский характер государства проявился в революционных настроениях в России конца XIX – начале XX в. Так, эсеры возводили культ критически мыслящей личности [13], независимости от общества. Собственно, их предшественниками были разночинцы-интеллигенты, проповедующие индивидуализм, рационализм, отрицание авторитетов, неприятие ни одного принципа на веру.

3. Восточная «линия развития»

На древнем Востоке идеал явно отличался и отличается от европейского.

Ислам в целом учит смирению и послушанию, дисциплине; призывает трудиться, быть скромным и терпеливым, мужественно сносить невзгоды. Индивидуальная энергия, инициатива, предприимчивость, упорство в достижении цели никогда не поощрялись. Индивидуальность не стимулировалась, а подавлялась. Человек также не должен быть азартным [14], расточительным.

Нравственным идеалом йоги является мудрец, вообще свободный от всего, что привязывает человека к миру. Он должен довольствоваться малым, переносить холод и зной. Но кроме аскетизма он должен вырабатывать в себе дружелюбие и бодрость, дисциплинировать ум и т.д.

Идеалы в
православной
России

Ислам

Буддизм

Буддизм несет в себе много общего с йогой, но смягчены аскетизм и обязательность следования предписаниям. Отличительной особенностью является активная любовь к людям, желание помочь им в достижении нравственного совершенства. Также культивируется ограничение страстей и стремлений, самосовершенствование. Коренными пороками являются сладострастие, лень, гнев и скупость.

Ламаизм

Ламаизм как форма буддизма подчеркивает порочность зависти, злобы, злословия. Основными добродетелями признается защита чужой жизни, щедрость, целомудрие, кротость, правдивость, миротворчество, смирение, милосердие и сострадание [15].

Синтоизм и буддизм в Японии привели к некоему идеалу самопожертвования, преданности патрону, будь то император или глава фирмы. При этом характерна преданность скорее вождю (лидеру), а не идее. Безусловна ценность трудолюбия в сочетании с чувством чести и достоинства воина-рыцаря. Культ вежливости и сдержанности.

Добродетели
конфуцианства

4. Добродетели и пороки в самосознании китайцев

Конфуцианство в качестве нравственного образца предлагает благородного мужа, добродетели которого заключаются в преданности, искренности, верности, справедливости. Однако конфуцианство «для народа» – это обязательное для всех соблюдение **Ли** – строгих правил поведения, в числе которых стоит отметить самоуничужение, сыновнюю почтительность, покорность и т.д. На уровне обыденного сознания эти правила осознаются как так называемые китайские церемонии. Их ориентировочное число в Поднебесной: 300 основных и еще 3000 дополнительных [16]. Суть этих церемоний в том, что упомянутые нормы и правила относятся не сводятся к рекомендациям. Это прежде всего жесткие и обязательные регламенты и уж только во вторую очередь рекомендации. Именно так воспринимают их все те, кто рассчитывает иметь успех в обществе, сделать карьеру, снискать репутацию достойного, благонамеренного человека. Понятие «ли» стало высшим символом ритуализированной этики, превратилось в наиболее общую характеристику правильного, даже идеализированного социального устройства и поведения человека. Неукоснительное соблюдение правил и ритуалов в Поднебесной давало человеку ощущение правильности своей жизни, своих поступков, на этой основе развивая притязание на признание себя достойным и законопослушным членом общества.

Место индивидуального «Я» в восточных культурах

Однако образ достойного человека в восточных культурах не ограничивается соблюдением внешних ритуалов. Л.А. Коростылева, анализируя близкое самостоятельности понятие самореализации, отмечает, что в восточных культурах преобладает утверждение, что «Я» как такового нет, оно не сущностно [17]. Так, в даосизме наличие индивидуального «Я» – это признак некультурности. Источником идентичности является Дао. Сущность человека отождествлялась с Дао, с предельным выражением закономерности функционирования Вселенной. Дзибун означает, что представления о самореализации совпадают с принятыми в обществе путями обретения своего статуса.

Место индивидуального «Я» в западной культуре

Прямая противоположность «Я» в индивидуалистической модели западного человека. В конфуцианстве утверждается перестройка личности, связанная с изживанием «Эго»: «преодоление себя» – путь к подлинному себе, реализация себя. Более того, для китайской традиции характерно «настойчивое и даже агрессивное утверждение скромности и бескорыстия в качестве едва ли не высших человеческих добродетелей» [18]. В этом заключается традиционная формула благонаправленного поведения: «Все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя». Но, с другой стороны, нравственный идеал конфуцианства – личное совершенствование, неустанное «превозмогание себя» (кэ цзи), т.е. Путь «Дао», подвижничество, в котором человек духовно мужает, очеловечивает сам себя и делает это непременно в общении с другими. Жизненный идеал Конфуция: следовать влечениям сердца, не нарушая правил [19].

Таким образом, в истории развития человечества можно видеть самые разнообразные образы «достойных» людей. Одни из них конкретизированы и имеют ролевые позиции, другие являются обобщенными идеалами добродетелей. Некоторые характеристики универсальны, а некоторые имеют свои этнические особенности.

5. Психологические исследования добродетелей и пороков

Современные исследования в России

Портрет «порядочного человека» у взрослых и детей, по данным М.И. Воловиковой и Л.Л. Гренковой [20], отличаясь в деталях, в самом важном является, практически, идентичным: порядочный человек – это тот, кто *умеет прийти на помощь, добрый, честный*. Выбирая образ «безусловно порядочного человека», испытуемые подчеркивают в нем те черты, где «образец» не переступает нравственный закон. На этих лю-

дей, на их поведение и ориентируются те, которые хотят оставаться нравственными людьми.

Идеал (как с точки зрения общества, так и личный), по данным В.Ф. Петренко [21], в первую очередь характеризуется таким обобщенным показателем, как самоконтроль поведения. Добродетель, в терминах фразеологизмов, держит себя в узде, знает свое место, заглядывает вперед. В то же время «порок» – например, образ презираемого человека, витает между небом и землей, гоняется за двумя зайцами, играет с огнем, не видит дальше носа и т.д. Моральный фактор идет на втором месте. Здесь идеалы держат слово, борются с собой. Проходимцы «загребают жар чужими руками», «снимают пенки», «втирают очки», «берут на пушку», «держат нос по ветру». Идеал «гнет свою линию», «живет своим умом», тогда как «порок» – «держится за бабью юбку», «плачется в жилетку», «поджимает хвост».

Гендерные
особенности
достоинств и
пороков

Еще Горгий говорил за пять веков до Новой эры, что одна добродетель у мужа, другая – у жены [22]. Здесь стоит подробнее остановиться на рассмотрении предпосылок возникновения представлений о том, какими качествами должны обладать мужчины и женщины. Все существующие в обществе стереотипы оказывают огромное влияние на социализацию детей и передаются из поколения в поколение. Эти гендерные стереотипы можно условно разделить на три группы.

Первая группа – феминность / маскулинность. Мужчинам приписывают типично мужские черты: активность, творчество, склонность рассуждать логически. Женщины, напротив, пассивны, зависимы, конформны.

Вторая группа – закрепление семейных и профессиональных ролей в зависимости от пола. Для мужчины это профессиональный рост. Для женщины – роль матери, хозяйки, жены.

Третья группа – различия в сфере труда. Для мужчины – инструментальная сфера, связанная с творчеством и созиданием. Удел женщин – экспрессивная сфера труда, обслуживание [23].

Тип «женщины
для семьи»

На основании эмпирических данных можно сказать, что обществом все еще одобряется тип «женщины для семьи» – две трети опрошенных выступили «за» данный образ женщин. В женщине ценится верность, преданность (81% выборов подобных ответов), мягкость, нежность, терпимость (72% выборов). При этом жертв ради семьи от нее ожидают 64% участников опроса, но если она откажется от многого ради своего дела, работы, это понравится лишь 4% опрошенных.

мых [24]. Такая точка зрения присуща в большей степени мужчинам. В данное время женщин, хоть и в меньшей степени, чем мужчин, привлекают традиционные патриархатные идеалы, примерно половина из них – сторонницы этих идеалов.

Наименее привлекательными являются качества, связанные с независимостью женщины, ее активностью, стремлением во что бы то ни стало сделать карьеру. Первые качества представляют так называемый традиционно-патриархатный идеал женщины; вторая группа качеств, противоположная – феминистский идеал женщины. Первый тип является привлекательным для 60% петербуржцев, второй – лишь для 7% опрошенных. И, наконец, представлен смешанный, промежуточный тип, который объединяет черты традиционного взгляда на женский идеал и черты, связанные с самоактуализацией, – треть участников опроса (33%).

Женщина в обществе

Немаловажным является то, что результаты данного исследования отражают существующее отношение к роли женщины в обществе. Видно, что на данное время уже невозможно говорить о непреклонном подчинении женщины мужчине; ценится инициатива женщины в принятии решений, ее самореализация не только в семье, но и за ее пределами. Такая позиция одобряется обоими полами. Но в то же время сохраняются и традиционные взгляды на социальную роль женщины.

Идеальная женщина

Интересны исследования женского идеала В.Ф. Петренко. Выявляя представление об идеале у русских и азербайджанских девушек и юношей, автор предлагал набор поступков, которые необходимо было разделить на одобряемые и неодобряемые. На азербайджанской выборке мужчин было выявлено некоторое смещение образов идеальной женщины в сторону большего традиционализма [25]. У русских мужчин и женщин внутри этноса выявлено большее сходство оценок, чем у азербайджанцев. В целом же В.Ф. Петренко приходит к выводу, что поведенческие стереотипы (в том числе и относительно идеалов) для людей разного пола едины в рамках одного этноса и достаточно различны в сравнении с представителями другой национальной культуры.

Объективация высших сакральных сил

В китайской культуре понятия «мужского» и «женского» традиционно рассматривались «не как результат физиологической дифференциации полов, а как результат объективации высших сакральных сил в бытийной реальности» [26]. Маскулинность-феминность в Китае понималась как деятельность противо-

положных и взаимодействующих начал: Ян – мужского, светлого, активного, и Инь – женского, темного, пассивного.

Статус жены, матери, хозяйки в китайской семье был невысоким и основывался на трех конфуцианских заповедях о повиновении: будучи дочерью, жертвовать собой ради отца; будучи женой, жертвовать собой ради мужа; будучи матерью, жертвовать собой ради сына. Если для вдовца повторная женитьба считалась нормальной, то для вдовы второе замужество рассматривалось как бесчестие. При этом неверность мужчины не была чем-то сверхъестественным, для женщины же это было равносильно социальному самоубийству.

Новые тенденции и духовные истоки

В конце существования императорского Китая реформаторы вдохновлялись пришедшими извне идеями, в рамки которых входила и эмансипация женщин [27].

Выводить существующие в настоящее время в Поднебесной идеалы из представлений средневекового конфуцианства, буддизма и даосизма так же необоснованно, как судить о российских представлениях о мужских и женских достоинствах и пороках из Домостроя. В то же время нельзя не учитывать влияния духовных истоков. Именно поэтому актуальным является временной «срез» – он дает представление о реально существующих стереотипах должного поведения, которые во многом несут в себе идеи религий, традиций, но также впитали в себя современные тенденции интеграции мировой цивилизации.

Методика исследования «идеальных» личностных качеств

Использовался опросник, построенный главным образом на методике Р. Кеттелла. Она представляет собой многофакторный (всего шестнадцать факторов) личностный опросник [28]. Из существующих личностных опросников эта методика является одной из самых репрезентативных в смысле охвата личностных характеристик. Но в данном случае использовались не сами вопросы как таковые, а характеристики их интерпретации.

Так, например, фактор А интерпретируется как аффектотимия – сизотомия (в бытовых терминах: сердечность, доброта – обособленность, отчужденность). Соответственно, положительный полюс (здесь – аффектотимия, хотя знак условен и не несет моральной оценки) характеризуется следующим поведением. Человек стремится к коллективным действиям в работе, к сотрудничеству. Непринужден и естественен в отношениях. Открыт и доверчив к людям. Противоположный «полюс поведения» – стремится работать самостоятельно, избегает коллективных действий, сдер-

жан, формален в контактах, в отношениях осторожен, недоверчив.

Подобные характеристики и легли в основу опросника. Испытуемым предлагался вопрос: Каким Вы представляете себе достойного мужчину (какие формы поведения, поступки и характеристики ему должны быть присущи)? Каким, наоборот, достойный мужчина быть не должен?

Во втором варианте опросника вопрос менялся: Какой Вы представляете себе достойную женщину?

Свое отношение предлагалось выразить по следующей шкале: 1 – абсолютно не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – это не имеет значения; 4 – скорее согласен; 5 – абсолютно согласен.

Всего было сформулировано 90 дескрипторов поведения. Каждый фактор был представлен несколькими вопросами, при этом были репрезентированы оба полюса поведения. Избегались крайние, экстремальные формы поведения, типа чрезмерной конформности. Однако нельзя было не учитывать те добродетели и пороки, которые сформулированы в мировых религиях, в концепциях выдающихся мыслителей. Поэтому был введен ряд поведенческих схем, в методике Р. Кеттелла отсутствующий. Например: «Легко относится к деньгам, не экономит «на спичках»; оппозиция – «экономен, бережно относится к деньгам». Описание в форме поведения было обусловлено следующими соображениями. Нравственный образец – это не перечень конкретных черт; с выбором нравственного эталона неразрывно связан *поступок* человека, т.е. запоминается другое лицо в *нравственном действии* [29]. Кроме того, был введен ряд жизненных целей. Например: «Стремится к власти, к высокому социальному статусу», «Стремится совершить что-то важное в жизни».

Выборка

Было опрошено 100 испытуемых Китая (50 женщин и 50 мужчин, средний возраст – 22 года). Все – студенты 2–3-х курсов Харбинского педагогического университета (факультеты русского языка и педагогики). Перевод методики на китайский язык и проведение исследования в Китае выполнены Лю Цунъин. В Москве выборка составляла 60 студентов старших курсов разной специализации (по 30 мужчин и женщин, средний возраст – 21 год).

Для сравнения усредненных образов достойных мужчин и женщин в разных культурах применялся Т-Тест (критерий Стьюдента). Во всех описываемых различиях они достоверны на 1% -ном уровне значимости, часто уровень значимости 0,1%. Если различие только на уровне тенденции (5% -ный уровень значи-

мости), данные сравнения не приводятся и не анализируются. При сравнении данных разных возрастных групп также применялся Т-Тест и линейная корреляция (по Пирсону).

Описание результатов построено следующим образом. Прежде всего представлены те характеристики, по которым мнения расходятся принципиально; если в одной культуре некоторое качество или форма поведения оценивается скорее как добродетель, то в другой – как порок. Далее описаны те дескрипторы поведения, по которым мнения расходятся не столько принципиально, сколько в выраженности позиции; в одной культуре качеству может придаваться гораздо большее значение как достоинству, чем в другой (или одно качество может оцениваться в разных культурах и как нейтральное, и как порок).

Принципиальные отличия

Главное отличие, которое принципиально разнит понимание достоинств как мужчин, так и женщин разных культур, – это отношение к самостоятельности, индивидуализму, с одной стороны, и коллективизму – с другой. В Китае как достойный мужчина, так и женщина традиционно демонстрируют, что они не стремятся к самостоятельным действиям и решениям, в России – прямо наоборот, особенно самостоятельность ценится у мужчин. Сегодня в Китае развивается стремление к самостоятельности, однако все еще маскируется. Соответственно, ориентация на групповое мнение – порок у россиян, но достоинство в Поднебесной. Честолюбие, стремление к признанию сегодня у россиян скорее оценивается как достоинство, тогда как у китайцев – как порок, особенно у женщин.

Второе направление принципиальных отличий – прямолинейность и бесхитрость в общении, которые в определенном смысле можно интерпретировать как продолжение китайского коллективизма. Это – достоинство в Китае, но скорее порок – в России. Достойные китайские мужчина и женщина должны быть откровенны (особенно мужчины), российские в целом – скорее нет. С другой стороны, доверчивость вообще китайскими студентами не приветствуется, тогда как российские студенты скорее за нее.

Некоторые противоречия в ответах

Некоторые противоречия в ответах как китайцев, так и россиян можно отнести за артефакт, за счет не совсем точного понимания вопросов, хотя за этим может стоять и более тонкий психологический механизм. Вероятно, что у китайцев скорее ценится откровенность в своем кругу, но сдержанность с чужими. Эта позиция отчасти объясняется традиционным понятием сохранения «лица», с которым тесно связано

представление о лояльности индивида по отношению к членам своей группы. Близкие люди должны прилагать все усилия к тому, чтобы выполнить обязательства по отношению друг к другу. Нелояльный индивид – это индивид без «лица». С помощью системы установок и отношений, связанных с концепцией «лица», индивид интегрирован в группу, подчиняется ее нормам и «порядкам». Эти установки и отношения, однако, не распространяются на людей за пределами относительно узкого круга. Сторонники конфуцианства полагали, что природа человека не позволяет ему распространить привитые в семье чувства любви к ближнему на всех людей. Россияне, видимо, при этом являются относительно большими «универсалистами»: так называемая «моральная коммуна», или круг лиц, на которых распространяются правила, у них намного шире. (Если открыт, то со всеми. Если самостоятелен и независим, то без оговорок.)

Относительные
различия

Многие описанные далее мнения относительно достоинств и пороков расходятся не столько принципиально, сколько в выраженности позиции; в одной культуре качеству может придаваться гораздо большее значение как достоинству (или пороку), чем в другой. Или одно качество может оцениваться в одной культуре как нейтральное, в другой – как порок (или как достоинство).

Трудности при сравнении относительно небольших различий неизбежны. Хотя китайцы традиционно демонстрируют коллективизм и зависимость от группы, или конформизм в обычном понимании, они реально не стремятся жить для других, тогда как «индивидуалистичные» россияне оценивают коллективизм как нейтральное качество. Как китайские мужчины, так и женщины скорее должны жить с собой в согласии, не изменять своим принципам, у россиян же эта цель не столь выражена. В отношении стремления достойного человека войти в историю: для китайских мужчин это важно, для российских – нейтрально, для женщин обеих культур это скорее недостаток. Однако стремление к материальному благосостоянию – сегодня российская добродетель, у китайцев, особенно применительно к женщинам, это еще считается сомнительным качеством.

И снова не совсем понятно, что при этом китайцам позволительно быть невозмутимым, безразличным к удачам и неудачам, тогда как россияне считают это скорее пороком (в равной степени для мужчин и женщин).

С другой стороны, у китайцев достойные люди должны старательнее планировать свои поступки, чем достойные люди у россиян: действие по интуиции в гораздо большей степени считается недостатком у китайцев (особенно у китайских мужчин), тогда как у россиян это приемлемо (у российских женщин это вообще скорее достоинство). Отличие в этом отношении принципиальное: россиянкам скорее надо действовать по чувствам, чем по разуму, китайкам, как и китайцам – наоборот (по разуму). Но опять «непоследовательность» китайцев в том, что достойному человеку скорее надо рисковать, полагаться на удачу, тогда как у россиян эта позиция вызывает сомнения.

Выделяться среди других у китайцев «предписано» больше мужчинам, у россиян мужчинам это необязательно, зато обращать на себя внимание – недостаток для российских женщин, но нейтрально для китайнок. Отношение к выполнению социальных норм и правил у россиян нейтрально, у китайцев это считается важным. Сюда вписывается недопустимость неуважительного отношения к пожилым людям, которая россиянами хотя и осуждается, но не так сильно, как в традиционно культивирующем уважение к родителям в целом Китае.

Помимо общих описанных отличий, которые справедливы в отношении достоинств как мужчин, так и женщин, есть ряд тонких отличий относительно понимания достоинств отдельных полов. Например, мужчине китайцу «должно» быть более корректным и вежливым, чем российскому, ему нельзя держаться просто и грубовато, но ему позволительно больше вольности во внешнем виде.

У женщин добродетели и пороки иные: у китайнок большим пороком, чем у россиянок, является погруженность в себя, оторванность от реальности, легкое отношение к жизни, невнимательность к критике. И наоборот, больше ценится аскетизм, спокойное отношение к неудобствам.

Остальные различия немногочисленны, не столь выражены (многие на уровне тенденции; 5%-ный уровень значимости) и не носят систематического характера.

«Загадочность» восточного менталитета давно обращает на себя внимание. Поведение китайца, японца может быть не только непоследовательным, но и противоречивым с европейской точки зрения [30]. В американской и европейской культурах более ценится «цельная» личность и, соответственно, независимое от ситуации представление о себе, «стабильное» поведе-

Обсуждение
результатов

ние. Японец, китаец подчинены группе и в западном понимании это представляется конформизмом. Однако он менее конформен, когда отвечает сам за себя, менее конформен, чем американец. Объясняется это тем, что в некоторых культурах, в частности у японцев, китайцев и корейцев, наблюдается феномен «множественного Я», которое варьирует в зависимости от ситуации.

Психологический механизм этого феномена описывается иногда как независимый когнитивный стиль при зависимом социальном взаимодействии [31]. В восточных культурах человек лоялен и предан группе, к которой принадлежит, но из-за этого вовсе не должен приспосабливаться к поведению совершенно чужих людей, поэтому вполне самостоятелен в оценках. Он подчинен группе, и в западном понимании это представляется противоречием между полярными групповым и индивидуальным контролем. Но противоречие снимается благодаря способности погружаться и функционировать на уровне как внешнего, так и внутреннего контроля, легко переходя с одного на другой. Хотя и в европейской и североамериканской культурах, видимо, отчасти действует тот же механизм. Когда от группы ожидается поощрение определенных форм поведения, оно демонстрируется чаще. Но если мнение референтной группы неизвестно, то субъект выбора также склонен к более гибкому, многомерному мышлению [32]. Мы полагаем, что непреодолимой границы между «восточным» и «западным» конформизмом нет; дело не в степени подчинения, а скорее в форме проявления этого подчинения.

Психологические механизмы независимого (условно, европейского) поведения, как и взаимозависимого (азиатского), иногда интерпретируются как сочетание горизонтального и вертикального коллективизма. Горизонтальный характеризует только силу идентификации с группой, тогда как вертикальный подчеркивает необходимость жертвы собственных интересов в пользу группы [33]. Предполагается также, что ограничивают самостоятельность не только сама идея, заложенная, например, в вертикальном коллективизме, но и некоторые культурные характеристики, связанные с ним. Например, это идея умеренности, в которой подчеркивается самоограничение, преуменьшается индивидуальный успех, что в свою очередь ведет к ограниченному восприятию собственной уникальности.

Мы полагаем, что сказанное является приемлемой гипотезой, она достаточно точно объясняет, как можно быть одновременно конформистом и жить по собствен-

Интерпретация
психологических
механизмов
независимого
поведения

Понимание судьбы

ным законам и соображениям, не изменяя своим принципам.

Мышление западного человека обычно оперирует в одномерном пространстве: абсолютному детерминизму (и, следовательно, потенциально полной программированности и предсказуемости) противостоят идеи индетерминизма (максимальной неопределенности, произвольности, непредсказуемости, случая). Эти полюса обычно представляются единичными; между ними лежит некоторое промежуточное пространство, заполненное явлениями «переходного» характера.

Понимание судьбы и постановка целей жизни в Китае имеет свои особенности. На буддийском Востоке нет всего того, что характеризует образ мышления человека Запада – ни фатализма, ни детерминизма.

В Китае судьба понимается скорее не как слепая сила, не как рок, а как высшее предназначение, которое человеку предстоит выполнить, если он хочет следовать правильному пути, ведущему его к освобождению от зависимости всякого рода. Если подвернется удача, то надо еще подумать, следует ли ею воспользоваться, не принесет ли это большую беду. Нельзя использовать то, что тебе не предназначено. Не стоит достигать богатства, если на роду написана бедность. Таким образом, человек свободен определять свою судьбу только в отношении правильности выбора своего пути; если он нарушает предназначение, идет против своей природы, врожденного дара, то совершает великий грех – убивает свое предназначение [34]. Наказание не задержится. Истинный путь – через обретение себя, своей истинной природы, индивидуальности.

Исходя из сказанного, понятно, что согласно традиции стремление к богатству не может быть объявлено целью, как не может быть целью и служение другим людям. Хотя всемирная интеграция культур меняет сознание всех землян.

6. Заключение

Китайская ментальность в отношении морального сознания далека от всех других российских групп, которые в целом относительно близки друг другу по своим характеристикам. При этом много принципиальных отличий, когда позиции прямо противоположны. Россияне в целом отличаются своеобразным «анархизмом» в морали – каждый свободен определять, что и кому должен, каждый может следовать морали, которая ему ближе [35]. Китайцы во всех этих вопросах против самоопределения в морали – правила предназначены и им надо следовать. Принципиальные разли-

чия обнаруживаются и в локус-контроле. Россиянам, в отличие от китайцев, свойственно объяснять негативные личные качества за счет общества – оно виновато в том, что делает людей такими, какие они есть. В решении неоднозначных моральных дилемм китайцы – против нарушения правил, даже ценой жизни, тогда как россияне не относятся к этой дилемме так однозначно.

Результаты настоящего исследования нельзя упрекнуть в непоследовательности и противоречивости. Китайский менталитет проявляет свою специфику во всех сферах морального сознания, будь то аксиология, решение моральных дилемм, этикет, нормы поведения. Противоречивость в позиции китайцев (а в контексте вышесказанного, просто самобытность) также обнаруживает себя при сравнительном исследовании добродетелей и пороков.

1. Шпеман Р. Основные понятия морали. М., 1993. С. 11.

2. Дубко Е.Л. Анализ фундаментальных этических идей: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 1989. С. 29.

3. Шердаков В.Н. Нравственные качества, нравственный облик личности, их социально-психологическая детерминация // Моральные качества личности и основные аспекты их изучения / Под ред. В.Н. Шердакова. М., 1980. С. 46–57.

4. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М., 1974. С. 56.

5. Гусейнов А.А., Иррлитц Г.И. Краткая история этики. М., 1987. С. 59.

6. Иванов В.Г. История этики древнего мира, СПб., 1977. С. 220.

7. Махов А.Е. Сад демонов – hortus daemonum: словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 1998. С. 81.

8. Салаври Е.С. О молитве Иисусовой. Путь духовного опыта // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся. М., 1995. С. 170.

9. Hannah B. Striving Towards Wholeness. London, 1972. P. 1.

10. Катунский А.Е. Старообрядчество. М., 1972. С. 92.

11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. С. 65.

12. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: Пер. с польск. М., 1987. С. 166–167.
13. *Дробжев М.И.* Этические идеи эсеров // Очерки этической мысли в России конца XIX – начала XX века / Под ред. О.П. Целиковой, Р.В. Петропавловского. М., 1985. С. 277.
14. *Васильев Л.С.* История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество): Учебное пособие. М., 1983. С. 136.
15. Там же. С. 353.
16. *Васильев Л.С.* Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в современном Китае: Сборник статей / Отв. ред. Л.С. Васильев. М., 1988. С. 173.
17. *Коростылева Л.А.* Проблема самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб., 1997. С. 7.
18. *Тертицкий К.М.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 1994. С. 196.
19. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001. С.170.
20. *Воловикова М.И., Гренкова Л.Л.* Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 1997. С. 93–111.
21. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988. С. 142–146.
22. *Гусейнов А.А., Иррлитц Г.И.* Краткая история этики М.: Мысль, 1987. С. 56.
23. *Клецина И.С.* Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб., 1998. С. 19–20.
24. *Нечаева Н.А.* Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради. Выпуск второй / Научный ред. А.А. Клецин. СПб., 1999. С. 9.
25. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: Учебное пособие. Смоленск, 1997. С. 282.
26. *Маслов А.А.* Образы маскулинности-феминности и супружеских отношений в традиционном Китае // Вестник Московского университета. Серия: Востоковедение. 1997. № 5. С. 56.
27. *Доменак Ж.-Л., Хуа Ш.* Семейные отношения в Китае: Пер. с франц. М., 1991. С. 7.
28. *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности: Учебное пособие. М., 1985.
29. *Воловикова М.И., Гренкова Л.Л.* Современные представления о порядочном человеке // Российский

менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М., 1997. С. 93–111.

30. *Choi I., Choi Y.* Culture and Self-Concept Flexibility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. № 11. P. 1508–1510.

31. *Розенбергер Н.* Диалектическое равновесие в полярной модели «Self»: пример Японии // *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология* / Под общ. ред. А.А. Белика. М., 2001. С. 283.

32. *Quinn A., Schlenker B.R.* Can Accountability Produce Independence? Goals as Determinants of the Impact of Accountability on Conformity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. № 4. P. 473.

33. *Kurman J., Sriram N.* Interrelationships Among Vertical and Horizontal Collectivism, Modesty, and Self-Enhancement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. № 1. P. 72–73.

34. *Григорьева Т.П.* Идея судьбы на Востоке // *Судьба и воля: психология свободы: Хрестоматия* / Сост. К.В. Сельченко. Минск; М., 2000. С. 136–137.

35. *Хвостов А.А., Афонасенко Е.В.* Моральное сознание двух культур: китайская и российская молодежь // *Развитие личности*. 2002. № 2. С. 49–60.

